

Д. УОРТ

МОРФОЛОГИЯ НУЛЕВОЙ АФФИКСАЦИИ В РУССКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

В русском словообразовании имеется одна весьма любопытная и еще недостаточно изученная область, а именно — нулевая аффиксация (или, как говорится иногда, «безаффиксный способ словообразования»¹). В существующих описаниях русского словообразования, например, в недавно вышедшей «Грамматике современного русского литературного языка» под ред. Н. Ю. Шведовой², приводится ценный фактический материал и отмечаются разные типы морфонологических преобразований, однако не приводятся ни точное морфонологическое описание так называемого нулевого суффикса (что значит именно «нулевой»? сколько в русском языке «нулевых» суффиксов и чем они отличаются друг от друга?), ни фонологическая классификация производящих основ, ни эксплицитное определение тех морфонологических правил, по которым производятся усечение производящих основ (*беседовать* — *беседа*, *захлебнуться* — *захлеб* и т. д.) и довольно сложный набор изменений, касающихся палатальности — непалатальности конечных и предконечных согласных, вставочных гласных и т. п. (*ходить* — *ход*, *кричать* — *крик*, *записать* — *запись*, *плакать* — *плач*, *запить* — *запой*, *забрать* — *забор* и т. п.)³. Недостаточная систематичность и эксплицитность изложения свойственна, например, разделу о нулевом отглагольном образовании имен существительных. В настоящей статье будет сделана попытка найти наиболее эксплицитное и экономное описание морфонологических преобразований, происходящих при обра-

¹ Разница между «нулевой аффиксацией» и «безаффиксным способом словообразования» не просто терминологическая. Первый термин означает, что морфонологические преобразования зависят от присутствия каких-то конкретных (хотя и нулевых) единиц (суффиксов); второй же термин показывает, что грамматика может быть — по крайней мере отчасти — чисто процессуальной. О нулевой аффиксации см: В. В. Лопатин, Нулевая аффиксация в системе русского словообразования, ВЯ, 1966, 1; Р. И. Лихтман, Существует ли безаффиксный способ словообразования в русском языке? ВЯ, 1968, 2.

² «Грамматика современного русского литературного языка», М., 1970 (далее — ГСРЛЯ). Соответствующие разделы написаны В. В. Лопатиным и И. С. Улухановым.

³ Для простоты изложения и удобства сравнения приводятся примеры из соответствующего раздела ГСРЛЯ. Приходится констатировать, что ГСРЛЯ содержит немало неточностей формального порядка. Например, в разделе, где описывается отглагольное нулевое словообразование имен существительных мужского рода, говорится, что «основа наст. времени глагола выступает в существительных, мотивированных глаголами типов VI, VII, IX 1—5 и некот. др., напр.: *поджечь* (*подожгу*) — *поджог... жать* (*жму*) — *жим*, *поднять* (*подниму*) — *подъем*» (стр. 142—143), т. е. в качестве иллюстраций приводятся и существительные, основы которых не тождественны основам настоящего времени производящих глаголов. А ведь отличие от основы инфинитива еще не означает идентичности с основой настоящего времени. В том же разделе «обратное чередование» [ж'] — [зг] иллюстрируется не только правильным примером *вижать* — *вижг*, но и совсем не подходящим сюда *пригажать* — *пригед* (существование чередования [ж'] — [зг] не отмечено). Это мелкие неточности, в целом же авторами проделана весьма полезная работа в описании и классификации способов русского словообразования; их труд отличается значительно большим вниманием к формальной стороне словообразования, чем это было в академической «Грамматике» 1952 г.

зовании имен существительных от глаголов способом нулевой аффиксации (вопросы семантики, связанные с такого рода деривацией, здесь не будут затрагиваться).

При помощи нулевой аффиксации образуются следующие типы отглагольных имен существительных: (1) существительные мужского рода (*принос, раскол, крик*); (2) имена женского рода на -а (*тратя, защита, награда*); (3) существительные общего рода на -а (*зёва, растеря, обжора*); (4) существительные женского рода третьего склонения (с нулевым окончанием в им. падеже ед. числа) (*брань, запись, россыпь*); (5) некоторые *plurality tantum* вроде *переговоры, хлопоты*; последние, однако, можно считать разновидностями первых двух типов (см. формы род. падежа *переговоров, хлопот*), так что остаются четыре морфологических типа отглагольных имен, образованных нулевой аффиксацией.

Ситуация осложняется тем, что внутри каждого из этих четырех морфологических типов имеется до четырех морфонологических разновидностей, т. е. производящие основы морфонологически преобразуются по четырем разным типам. Более того, морфонологические разновидности распределены неодинаково по морфологическим типам, т. е. морфологический и морфонологический критерии классификации отчасти пересекаются.

В первом морфологическом типе представлены следующие морфонологические разновидности: (1а) усечение производящей основы⁴ не сопровождается другими ее изменениями (*приливать — прилив, недосыпать — недосып, пускать — пуск*); (1б) усечение производящей основы сопровождается переходным смягчением (*плакать — плач, кликать — клич, вопить — вопль*)⁵; (1в) диспалатализацией зубных и палатальных (*ходить — ход, гудеть — гуд; визжать — визг, приезжать — приезд*)⁶; в случае палатальных ГСРЛЯ указывает на «обратные чередования согласных»⁷; как мы постараемся показать, такого процесса в русской морфонологии не существует вообще; (1г) наконец, вставным гласным (или чередованием *e ~ o*) и отвердением предшествующего согласного, которое можно, несколько упрощая, назвать «внутренней диспалатализацией» (*течь, теку — ток; мереть, мрут — мор; забрать, заберут — забор; поджечь, подожгут — поджог*).

Во втором морфологическом типе наблюдаются те же морфонологические разновидности, правда, с несколько иным распределением по типам производящих основ: (2а) без изменений (*играть — игра, беседовать — беседа, потерять — потеря*); (2б) с переходным смягчением (*портить — порча, пропадать — пропажа, ловить — ловля*; случаев с задненебным нет); (2в) с диспалатализацией (только с задненебными: *разлучить — разлука, заслужить — заслуга, засушить — засуха*); (2г) с внутренней диспалатализацией (по-видимому, всего один случай: *опереться — опора*).

В третьем морфологическом типе картина слегка изменяется; имеются разновидности: (3а) без изменений после усечения (*зевать — зёва, заи-*

⁴ В данной статье мы не будем касаться вопросов усечения, так как этот морфонологический процесс всесторонне освещается в работе А. В. Исаченко «Роль усечения в русском словообразовании», «International journal of Slavic linguistics and poetics», (IJSLLP), 15, 1972.

⁵ Заметим мимоходом, что только пример *вопить — вопль* позволяет нам считать *плакать — плач* и *кликать — клич* примерами переходного смягчения, так как в русской морфонологической системе противопоставление переходное — непереходное смягчение нейтрализуется у задненебных; см., например, в глагольной флексии: *мазать (мажу́, мажете́) = писать (пишу́, пишете́)*, но *течь (теку́, течете́) = нести (несу́, несете́)*.

⁶ Диспалатализация соответствует и непереходному (*ходить — ход*), и переходному смягчению (*приезжать — приезд*).

⁷ ГСРЛЯ, стр. 143 и сл.

каться — *заика*, *нюнить* — *нюня*, *растерять* — *растеря*)⁸; (3б) с непереходным смягчением (*разинуть* — *разиня*, *заснуть* — *засоня*; последнее приближается по внутренней огласовке к типу 3г); (3в) с непереходной диспалатализацией (*реветь* — *рёва*, *зудить* — *зуда*, *брюзжать* — *брюзга*, *канючить* — *канюка*); (3г) с внутренней диспалатализацией (*обожраться* — *обжора*)⁹.

Наконец, в четвертом морфологическом типе наблюдаются только разновидности без изменений основы (4а) (*бранить* — *брань*, *молвить* — *моль*) и разновидность (4б) с непереходным смягчением зубных, губных и заднеязычных [*записать* — *запись*, *насыпать* — *насып*, *течь* (*текут*) — *теч* (им. сущ.), *лгать* — *ложь*]¹⁰. Так как в первой из этих двух разновидностей представлены производящие основы исключительно на парные мягкие согласные, эту первую разновидность можно целиком отнести ко второй (с непереходным смягчением), так что остается всего одна морфонологическая разновидность четвертого морфологического типа.

После этого беглого обзора фактического материала можно приступить к анализу скрывающейся за ним морфонологической системы. Напомним, что морфонологическое описание состоит из трех компонентов: производящие основы, словообразовательные аффиксы и правила, по которым первые соединяются со вторыми. Структурные факты, обеспечивающие оптимальное решение задачи, можно искать в одном, в двух или во всех трех из этих компонентов.

В поисках оптимального решения любой лингвистической задачи следует руководствоваться некоторыми общими требованиями к каждому лингвистическому (и не только лингвистическому) описанию. С тем, что описание должно быть адекватным (т. е. должно соответствовать фактам описываемого языка), никто не будет спорить. Но существуют и другие, не менее важные требования. Лингвистическое описание должно быть естественным, т. е. содержащиеся в этом описании морфонологические и фонетические правила не должны противоречить известным в науке фактам — например, сведениям о физиологии речевого аппарата, фактам сравнительно-типологических исследований и под. Точную и эксплицитную дефиницию «естественности» дать, пожалуй, нельзя, но тем не менее каждый лингвист на основании своего опыта и «здорового смысла» знает, что это такое (например, вполне естественно, что смягчение согласных происходит перед суффиксами, начинающимися с гласного переднего ряда или с йота, и совершенно неестественна выдумка вроде «смягчение происходит перед последовательностью неокруглый гласный плюс округлый гласный»). Существует еще третье требование ко всякому линг-

⁸ Пример *растерять* — *растеря* можно было бы отнести к разновидности (3б) (непереходное смягчение), так как правило непереходного смягчения в таких случаях, как *разинуть* — *разиня*, очевидно, не может действовать в случае дизяного согласного [р'] в глаголе *растерять*.

⁹ Термин «внутренняя диспалатализация» является условным. Под ним понимаются два не зависящих друг от друга, но во многих случаях действующих совместно морфонологических процесса, первый из которых обеспечивает появление вставного («беглого») гласного [о], а второй производит отверждение парного мягкого согласного, предшествующего этому [о]; правило отверждения, естественно, не может касаться непарного согласного [ж] в *обжора*.

¹⁰ На первый взгляд, *лгать* — *ложь* как будто примыкает к разновидности (г), так как существительное *ложь* содержит вставной гласный. Однако, с одной стороны, здесь происходит не внутренняя диспалатализация, а конечная палатализация [г] в [ж], а с другой стороны, вставляется не гласный полного образования [о], а чередующаяся морфонема «гласный ~ нуль» (в условной транскрипции #), см. род. падеж *лжи* и т. д. На самом деле, как станет ясно из дальнейшего изложения, сама производящая глагольная основа содержит эту чередующуюся морфему {#}. О слове *ложь* и ему подобных см.: D. S. W o r t h, Remarks on Russian stress, 2: *ложь*, *рожь*, *вошь*, *любовь*, сб. «Studies in honor of B. O. Unbegaun», New York — London, 1969.

вистическому описанию, которое тоже чрезвычайно трудно поддается точной и эксплицитной дефиниции: это то, что по-английски называется «*insightfulness*» «проницательность», т. е. объясняющая сила, возможность через данное описание проникнуть в суть дела. Без этих критериев лингвистическое описание слишком легко может превратиться в пустую игру символами.

Вернемся к нашей задаче. Какое описание производящих основ, словообразовательных суффиксов и морфонологических правил даст наиболее ясную картину морфонологии нулевой аффиксации в образовании отглагольных имен существительных?

Наиболее легкое решение задачи — поиск объяснения морфонологического многообразия нулевой аффиксации в существовании соответствующего набора суффиксов, способного произвести все морфонологические разновидности в каждом морфонологическом типе. Самое простое решение такого рода — постулировать существование тринадцати разных нулевых суффиксов ($\{\emptyset\}^1, \{\emptyset\}^2, \dots, \{\emptyset\}^{13}$), по одному для каждой разновидности каждого морфонологического типа. Такое банальное решение, разумеется, не ведет к каким бы то ни было интересным обобщениям, тем более что оно грешит против принципа, известного в науке под названием «оккамского лезвия» («*entia non sunt multiplicanda*»).

Более интересное решение этого рода — постулировать такой алфавит морфем, который бы обеспечил фонетически естественным образом все типы морфонологического преобразования, например, следующие четыре морфемы:

$\{\emptyset\}$ не вызывающая никаких изменений в конце производящей основы (фонологический нуль);

$\{j\}$ вызывающая переходное смягчение в конце производящей основы;

$\{i\}$ вызывающая непереходное смягчение в конце производящей основы;

$\{w\}$ вызывающая диспалатализацию (=лабиовеляризацию) в конце производящей основы («внутреннюю диспалатализацию» оставим пока в стороне).

Таким образом, разные морфонологические преобразования производящих основ можно просто приписать действию четырех разных морфонологических единиц в словообразовательных суффиксах. Сами эти единицы, конечно, будут исчезать при репрезентации (т. е. в цепочке морфонологических символов) в силу общих законов морфемной структуры в русском языке [морфемы не могут оканчиваться на гласный (даже нулевой) или на сочетания «согласный плюс $\{j\}$ », «согласный плюс $\{w\}$ »]. Иными словами, эти четыре морфемы произведут в каждом случае пужный морфонологический эффект, а потом сами исчезнут (подобно улыбающемуся чеширскому коту из «Алисы в стране чудес», который исчез, оставив после себя одну улыбку). Действие такого рода правил можно проиллюстрировать хотя бы следующими примерами: (1) (исходная цепочка) $vor'i + j \rightarrow$ (правила усечения) $vor' + j \rightarrow$ (правила палатализации) $vor'l' + j \rightarrow$ (правила снятия $+$) $vor'l'j \rightarrow$ (правила морфемной структуры — «*morpheme structure rules*») $vor'l'$ (основа производного существительного); (2) (исходная цепочка) $xod'i + w \rightarrow$ (правила усечения) $xod' + w \rightarrow$ (правила диспалатализации) $xod + w \rightarrow$ (снятие $+$) $xodw \rightarrow$ (правила морфемной структуры) xod (основа производного существительного).

Введением морфем $\{\emptyset\}$, $\{j\}$, $\{i\}$, $\{w\}$ достигается известная степень фонологической естественности, но не уменьшается общее число нужных суффиксов, которых все равно остается тринадцать. Лишь для первого морфонологического типа, например, нужны будут следующие три суффикса [м — мужского рода, ж — женского рода, о — общего рода, I — первое склонение (жена), II — второе склонение (стол), III — третье скло-

нение (ночь): {θ} м-II (приливать — прилив, пускать — пуск), {ʃ} м-II (плакать — плач, вопить — вопль) и {w} м-II (ходить — ход, визжать — визг) [о четвертом типе (1г) с внутренней диспалатализацией речь будет ниже]. Для второго морфологического типа понадобятся суффиксы {θ} ж-I (играть — игра, беседовать — беседа), {j} ж-I (портить — порча, пропадать — пропавша) и {w} ж-I (разлучить — разлука, заслужить — заслуга). В третьем морфологическом типе будут {θ} о-I (зевать — зёва, заикаться — заика), {i} о-I (разинуть — разиня, заснуть — засоня)¹¹ и {w} о-I (зудить — зуда, брюзжать — брюзга). Наконец, в четвертом морфологическом типе окажется суффикс {i} ж-III (записать — запись, лгать — ложь). Итак, понадобятся десять приведенных разных суффиксов плюс три для пока не разобранных случаев внутренней диспалатализации. Очевидно, что это неестественно большое количество для одного только типа русского отглагольного именного словообразования. И оно не может уменьшиться при поиске оптимального решения лишь в пределах фонологической структуры нулевых суффиксов.

Перейдем к рассмотрению структуры производящих основ.

В ГСРЛЯ производящие основы приводятся в их графической форме, под которой надо разуместь, кажется, цепочки фонем. Однако в последнее время стало ясно, что славянскую морфонологию нельзя описать исключительно на поверхностном, фонемном уровне¹². Из таких примеров, как *визжать* — *визг*, *приезжать* — *приезд*, видно, что если описание отглагольного словообразования останется лишь на уровне фонемной структуры, окажется неясным, почему в одном случае из [ж'] получается [зг], а в другом [зд]; см. подобные примеры в образовании формы несовершенного вида *сдвигнуть* — *сдвигать* с [г], но *взглянуть* — *взглядывать* с [д]¹³. Только в том случае, если производящие основы приводятся не в фонемной, а в глубинной морфонологической форме {v'izg + já}, {pr'ijezd + jáj}, {s#dv'ig + nu}, {v#z#gl'ad + nú}, окажется возможным вывести из них правильные производные основы {v'izg}, {pr'ijezd}, {sdv'igaj}, {vzgl'adivaj}¹⁴. Следует подчеркнуть, что такого рода глубинная транскрипция — это самое простое отражение того очевидного факта, что каждый говорящий на русском языке вполне осознает, что *визжать* соотносится именно с *визг*, а не с **визд* и т. д., т. е. что за поверхностной [ж'] в *визжать* кроется [зг], а не [ад], что за поверхностной цепочкой [и'н] в слове *взглянуть* скрыто [ад + н], а не [иг + н] и т. д.

Приведем интересующие нас производящие основы в такой глубинной транскрипции: *приливать* = {pr'il'iv + aj}, *недосыпать* = {nedosip + aj}, *пускать* = {pusk + aj}, *плакать* = {plak + ja}, *вопить* = {vor + i}, *ходить* = {xod + i}, *визжать* = {v'izg + ja} и т. д. Поможет ли это уменьшить число нулевых суффиксов? Глубинная транскрипция имеет

¹¹ Пример *заспать* — *засоня* вызывает такой же комментарий, как *лгать* — *ложь*, см. примеч. 10.

¹² См., например: D. S. W o r t h, «Surface structure» and «deep structure» in Slavic morphology, сб. «American contributions to the VIth International Congress of Slavists», I, The Hague, 1968; ег о ж е, On cyclical rules in derivational morphophonemics, сб. «Phonologie der Gegenwart», Wien, 1967; A. V. I s a č e n k o, East Slavic morphophonemics and the treatment of the jers in Russian, IJSLP, 13, 1970; ег о ж е, Morpheme classes, deep structure and the Russian indeclinables, IJSLP, 14, 1971. Все эти и им подобные работы в конечном итоге восходят к первому «порождающему» (хотя этот термин тогда еще не существовал) описанию фрагмента славянской морфологии — известной работе Р. О. Якобсона «Russian conjugation» («Words», 4, 3, 1948).

¹³ Другие примеры см. в работе «„Surface structure“ and „deep structure“».

¹⁴ В транскрипции не отражаются особенности, не относящиеся к теме данной работы. Глубинные структуры глагольных основ выведены из «основных основ» (basic stems) Р. О. Якобсона.

два существенных преимущества. Во-первых, усечение производится вполне автоматически: отсекается сегмент, следующий за морфемным швом, без необходимости перечислять каждый отсекаемый фонологический отрезок в отдельности (-и-, -иав-, -ова-, -ну- и т. д.); тем самым становится ясно, что усечение — процесс морфологический, а не фонологический (т. е. отсекаются морфемы, а не цепочки фонем)¹⁵. Во-вторых, правильные формы усеченных производящих основ во многих случаях появляются тоже вполне автоматически, без привлечения каких-либо дополнительных морфонологических правил. Это касается не только появления [г] и [д] в таких формах, как *визг* и *приезд*, но и всех случаев диспалатализации; иначе говоря, целая морфонологическая разновидность оказывается фикцией. Приведем примеры:

	Исходная форма	Производная основа
(1в)	<i>xod + i</i> <i>v'izg + ja</i> <i>pr'ijezd + ja</i>	<i>xod-</i> (ход) <i>vizg-</i> (визг) <i>pr'ijezd-</i> (приезд)
(2в)	<i>razluk + i</i> <i>zaslug + i</i> <i>zasux + i</i>	<i>razluk-</i> (разлука) <i>zaslug-</i> (заслуга) <i>zasux-</i> (васу́ха)
(3в)	<i>r'ov + e</i> <i>zud + i</i> <i>br'uzg + ja</i>	<i>r'ov-</i> (рѣва) <i>zud-</i> (зуда) <i>br'uzg-</i> (брюзга)

Таким же образом выводятся *ремонт* (с твердым [т]) и *контроль* (с мягким [л']) из глубинных форм

remont + irova → remont
kontrol' + irova → kontrol'

Если же выводить эти существительные из поверхностных форм *ремонтн-рова-контролирова-* (с одинаково мягкими [т'] и [л']), остается неясным, почему в первом случае получается твердый согласный, а во втором мягкий.

Итак, оказывается, что разновидность (в) совпадает с разновидностью (а) — в обоих случаях происходит усечение производящей основы без дальнейших изменений:

(1а)	<i>pr'il'iv + aj</i>	— <i>pr'il'iv-</i>
(1в)	<i>pr'ijezd + ja</i>	— <i>pr'ijezd-</i>
(2а)	<i>igr + aj</i>	— <i>igr-</i>
(2в)	<i>zaslug + i</i>	— <i>zaslug-</i>
(3а)	<i>zaik + aj...sa</i>	— <i>zaik-</i>
(3в)	<i>br'uzg + ja</i>	— <i>br'uzg-</i>

В обоих случаях (а) и (в) достаточен один и тот же нулевой суффикс {θ}, т. е. оказывается вовсе ненужной морфема {w}; тем самым число нулевых суффиксов уменьшается на три (отпадают суффиксы {w} м-II, {w} ж-I и {w} о-I). Это достигается одним только приемом: приведением производящих основ в их глубинной форме.

Рассмотрим теперь случаи так называемой внутренней диспалатализации [*забрать* (*заберут*) — *забор*, *опереться* — *опора*, *обожраться* — *обжора*]. За незначительными исключениями (вроде *течь*, *текут* — *ток*) оказывается, что все производящие основы данного типа (г) отличаются такой фонологической структурой, которая целиком отсутствует в разновидности (а), а именно почти все производящие основы разновидности (г) содержат чередующуюся морфему «гласный — нуль» (*бить* = {b' # j},

¹⁵ Подробнее см.: А. В. Исаченко, Роль усечения в русском словообразовании.

запить = {zap' # j}, *запереть* = {zap' # r}, *забрать* = {zab' # ra}¹⁶, *учесть* = {uč' # t}, *поджечь* = {pod # ž # g}, *роптать* = {rop' # t}, *шептаться* = {šop' # t} и т. д.)¹⁷. Некоторые глаголы данной разновидности проявляют нерегулярные соотношения между основой инфинитива и основой настоящего времени (*запереть* — *запрут*, но *забрать* — *заберут* и т. п.), по это целиком относится к сфере словоизменения, а не словообразования.

Если все производящие основы данной разновидности отличаются специфической фонологической структурой, не встречающейся ни в каких других разновидностях, то это значит, что мы вправе отнести и их морфологические особенности целиком за счет этой фонологической структуры, т. е. оказывается ненужным особый ряд «внутренне-диспалатализирующих» суффиксов; тем самым общее число нулевых суффиксов снова уменьшается на три.

В словах данной разновидности наблюдаются два морфологических процесса. Первый из них вполне естествен: чередующаяся морфонема «гласный ~ нуль» ({#}) производящей основы становится полноценным гласным {o} в положении перед нулевым суффиксом {θ} м-II ({zap' # j} — {zapo}, {uč' # t} — {učot}, {pod # ž # g} — {podžog} и т. д.)¹⁸. Такая фиксация первоначально чередующейся морфемы в одном из своих вариантов — характерный для славянского словообразования морфологический процесс.

Второй морфологический процесс, однако, кажется менее естественным. Он состоит в том, что парные мягкие согласные перед чередующейся морфемой «гласный ~ нуль» становятся твердыми (*бить* — *бой*, *запереть* — *запор* и т. д.). Непарные согласные, конечно, остаются незатронутыми этим процессом: *учесть* — *учет*, *поджечь* — *поджог*, *принять*, *примут* — *прием* (*učot*-, *podžog*, *pr'ijom*-). Этот процесс с точки зрения современной русской морфологии загадочен: такие чередования не в конце, а внутри производящей основы в современном русском языке крайне редки¹⁹. Заметим попутно, что отверждение этих парных мягких согласных нельзя отнести за счет появившегося после них гласного заднего ряда {o} из {#}; наоборот, правило отверждения должно действовать до правила вокализации {#} в {o}, так как иначе правило отверждения охватит такие формы, как *рѣва*, давая неправильное **рова* и т. д. [т. е. по правилу отверждения [p'] в *запереть* — *запор*, произойдет также отверждение [p'] в *реветь* — **рова* (вместо *рѣва*)]. Любопытно, что отверждение предпоследнего согласного основы происходит там, где последний согласный является сонорным или глайдом (*запой*, *забор*), а там, где последний согласный является взрывным (т. е. [+ consonantal] [— vocalic]), пред-

¹⁶ О глубинной структуре глаголов типа *брать* — *берут*, *звать* — *зовут* см.: D. S. W o r t h, On the morphophonemics of the Slavic verb, «Slavia», 39, 1, 1970.

¹⁷ В примерах *роптать* — *ропот* и *шептаться* — *шепот* чередующаяся морфонема «гласный ~ нуль» ({#}) хотя и представлена в глагольной основе, но не проявляется в формах глагольного словоизменения, так как в этих формах отсутствуют плавные для вокализации {#} → o условия (положение перед # или ф). См. «скрытое» [л] в слове *солнце*, не проявляющееся в формах склонения этого слова, а всплывающее на поверхность в образованном от этого слова имени прилагательном *солнечный* (с [лн']). Таких «скрытых» морфем немало в славянской морфологии. Случаи вроде *принять* — *прием* также можно рассматривать как содержащие основу {pr'ij # m}, {#} которой тоже проявляется только в словообразовании (исчезновение {j} перед {m} в *приму* — регулярное явление русской фонетики).

¹⁸ Имеются и исключения: гласный {i} в *жить* — *жизнь*, морфонема {#} в *занять* — *заём*, *нанять* — *наём* (ср. род. падеж *займа*, *найма*). В разновидности (3а) имеется нерегулярное чередование {o} с {a}: *раззеваться* — *раззѣва* (а не [e] — [a], как пишут авторы ГСРЛЯ, см. *зевать* — *зѣва*, *раззеваться* — *раззѣва* (Ушаков), доказывающее существование коренного гласного {o}).

¹⁹ Подобные чередования наблюдаются в глагольном видообразовании: *нести* — *носить*, *вести* — *водить* и т. п.

последний согласный сам оказывается или глайдом, или непарным взрывным, т. е. во всяком случае согласным, не подлежащим отвердению (*учёт, заем* = {zaj} ≠ m} и т. п.)²⁰. Как интерпретировать это своеобразное дополнительное распределение — не ясно. Поскольку разница между первой и четвертой морфонологическими разновидностями (а), (г) зависит целиком от фонологических различий в их производящих основах, одна и та же суффиксальная морфонема {θ} будет достаточной для обоих случаев.

Итак, при помощи точного морфонологического описания глубинной структуры производящих основ удалось свести три морфонологические разновидности к одной [случаи разновидности (в) с диспалатализацией и разновидности (г) с внутренней диспалатализацией оказались идентичными с разновидностью (а)]. Этим, по-видимому, и исчерпывается роль морфонологической структуры производящих основ в нашем описании.

В нашем морфемном алфавите остаются три единицы: {θ} (не меняющая формы производящих основ или меняющая ее в полной зависимости от фонологических особенностей последних), {j} (вызывающая переходное смягчение) и {i} (вызывающая непереходное смягчение). Две последние единицы также находятся в условиях дополнительной дистрибуции, а именно: переходное смягчение имеет место в морфологических типах (1) и (2) (*плакать* — *плач*, *вопить* — *воплъ*; *пропадать* — *пропажа*, *ловить* — *ловля*), тогда как непереходное смягчение происходит в третьем и в четвертом морфологических типах (*разинуть* — *разиня*, *записать* — *запись*, *текут* — *течь*). Этот факт в свою очередь означает, что можно обойтись единственной палатализирующей морфемой в суффиксах; переходность — непереходность палатализации выводится автоматически из морфологического типа производного имени. Иными словами, вместо {j} и {i} нужна только {i}. Благодаря этому уменьшается и число суффиксов, и число элементарных единиц, из которых строятся суффиксы.

Надо признать, однако, что в таком решении имеется недостаток, а именно неестественность морфологических окружений, определяющих переходность и непереходность смягчения. Оказывается, что в первом склонении смягчение бывает переходным в словах женского рода (*пропадать* — *пропажа*, *ловить* — *ловля*) и непереходным в словах общего рода (*разинуть* — *разиня*, *заснуть* — *засоня*). Тип смягчения, таким образом, как будто зависит от грамматической категории рода, но трудно себе представить сколько-нибудь естественные причины для такого положения вещей. Есть, однако, способ хоть до некоторой степени снять неестественность этого дополнительного распределения. Поскольку в третьем морфологическом типе имеются, по-видимому, только основы, кончающиеся на {п} (т. е. не различающие переходный и непереходный типы смягчения), мы вправе отнести случаи *разинуть* — *разиня*, *заснуть* — *засоня* не к непереходному, а к переходному типу смягчения. Дополнительная дистрибуция в таком случае получается более естественная: непереходное смягчение имеет место в словах третьего склонения, а переходное смягчение — во всех остальных случаях.

Подведем итоги. Вместо четырех морфем {θ}, {j}, {i}, {w} оказываются нужными всего две: непалатализирующая {θ} и палатализирующая {i}. Оба варианта производят усечение производящих основ²¹. Все дальней-

²⁰ Исключение: *течь, текут* — *ток*.

²¹ Как справедливо замечает А. А. Зализняк, можно было бы образовать все существительные, о которых идет речь в данной работе, не от специфически глагольных основ типа {v'izg + ja}, а от более абстрактных общих основ типа {v'izg}; в таком случае из морфемных выпадают все правила усечения. Вопрос о направленности русского словообразования нуждается, на наш взгляд, в коренном пересмотре.

шие изменения выводятся из фонологической структуры основ или же из морфологической структуры суффиксов (т. е. из типов склонения). Дискалатализация («обратное чередование») не существует вовсе. Остаются семь суффиксов: {θ} м-II, {i} м-II, {θ} ж-I, {i} ж-I, {θ} о-I, {i} о-I, {i} ж-III. Но разницу в грамматическом роде внутри первого склонения можно вывести из семантической характеристики производных основ — это нетрудно доказать; таким образом остается всего пять словообразовательных суффиксов, а именно:

- {θ}-II: *прилив, пуск, ход, визг, прогад, забор*
- {i}-II: *плач, вопль*
- {θ}-I: *игра, беседа, разлука, заслуга, опора;*
зёва, заика, рёва, брюзга, обжора
- {i}-I: *пропажа, лодья; рагinya, засоня*
- {i}-III: *брань, молвь; запись, течь.*

Итак, вместо тринадцати разных нулевых суффиксов, строящихся из четырех разных морфем (плюс показатели склонения и рода), у нас оказывается всего пять суффиксов, строящихся только из двух морфем (плюс показатели склонения). Это, как нам кажется, и есть максимально эксплицитное, экономное и естественное описание морфонологии нулевой аффиксации в современном отглагольном словообразовании имен существительных²². Достигается оно исследованием структурных особенностей всех трех компонентов словообразовательной системы: производящих основ, словообразовательных аффиксов и правил морфонологических преобразований²³.

²² За рамками настоящей дискуссии остаются некоторые нерегулярные случаи вроде *сеять* — *сев*, *помочь* — *помощь*.

²³ Автор благодарит А. А. Зализняка, Е. А. Земскую, Вяч. Вс. Иванова, Б. А. Успенского и других коллег, читавших настоящую работу в рукописи или принимавших участие в ее обсуждении и сделавших ряд ценных замечаний.